

УДК 94(38).01

**ПОЭМЫ ГОМЕРА КАК ИСТОЧНИК О СОЗИДАТЕЛЬНОМ ТРУДЕ
И ОТНОШЕНИИ К НЕМУ ЭЛЛИНОВ ТОГО ВРЕМЕНИ**

© 2009 г.

М.Ю. Щербенко

Нижегородский государственный педагогический университет

proksen@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.02.2009

Рассматриваются взгляды эллинов гомеровского периода на трудовую деятельность, их представления о значении труда, иерархии видов труда. Земледелие и скотоводство в эпической традиции рассматривались как основные для человека занятия. К ремеслу эпический мир относился противоречиво – ремесло как основное занятие было уделом подчинённых слоёв, но мир эпоса всегда восхищался продуктами ремесла. В домашнем быту труд имел весьма чёткую половую дифференциацию, что было связано с представлениями эллинов о мужской и женской природе.

Ключевые слова: Гомер, гомеровский эпос, труд, древнегреческая мифология, земледелие, скотоводство, ремесло, домашний труд.

Человек преобразует мир с момента своего появления, и каждодневный физический труд является основой любого общества. Для социума же традиционного от успешности и организации труда зависит сама жизнь. В нашем мире, где события как сугубо российские (последних двадцати лет), так и глобальные вывели тему труда на периферию общественного интереса, представляется особенно интересным обратиться к этому вопросу в контексте истории древнегреческого общества. Речь пойдёт об осмыслении эллинами гомеровского периода процесса трудовой деятельности, о том, какими виделись её смысл и суть, о той иерархии видов труда, что выстраивалась в традиции.

Время X–VIII вв. до н.э. является эпохой складывания основ эллинской культуры, обретения ею своего облика [1, с. 125–130]. Это выражается в формировании как аспектов материальной цивилизации, так и ментальных структур. Для того времени эпос является практически единственной формой письменной традиции, и его особенности естественно накладывали свой отпечаток на характер дошедшей до нас информации. Можно сказать, что мы смотрим на эпоху через то представление о мире, что сформировал эпический нарратив [2, с. 18–45]. Сознание и созданная им культурная традиция похожи на сито, что задерживает лишь смыслово значимые факты реальности.

В отечественной историографии данная тема поднималась лишь раз в статье Ю.В. Андреева «Труд в жизни гомеровских героев» [3, с. 4–13]. Из названия статьи видно, что автор делает акцент на свидетельствах конкретной причастности

героев к тем или иным видам трудовой деятельности. Он верно, на наш взгляд, отмечает, что военная аристократия гомеровского времени имела мало общего с феодальной знатью Средневековья и не проводила всё время в пирах, охотах и военных упражнениях. Напротив, она мало отличалась от основной массы общинников, поэтому и представители знати были причастны к земледелию, скотоводству, торговле. Однако в поле зрения автора находятся лишь аристократы, другие же социальные слои, упоминания о которых есть в эпосе, не рассматриваются. Андреев не уделяет должного внимания и ментальному аспекту, проблеме отношения героев эпоса к физическому труду, разным его видам. В целом, можно сказать, что статья представляет собой обозначение проблематики и намечает некоторые пути решения интересующих нас вопросов.

И здесь прежде всего нужно отметить, что гомеровское осмысление труда отражает более общую традицию всей эллинской культуры от её мифической древности. Уже миф представляет трудовой акт частью космогонии. В мифологических представлениях это процесс упорядочивания хаоса. Боги преобразуют мир, создавая обустроенный космос (Apollod., I, 2, 1–6). Труд является основой нового мира, однако в мифологическом пространстве мы видим дуалистическое отношение к нему. Когда великие деяния уже свершены, напряжение сменяется отдыхом. Боги, завершившие акты творения и борьбы, в устроенном мире предаются праздной жизни, пирам и зрелищам. Гомер широко представляет нам мир богов, в основном чуждый

XXI, 131–132). Высокое значение военной силы коня в архаику и его дороговизна предопределяли господство аристократии в жизни полисов, и позднее коневодство было привилегией древних родов, символом традиции и старинной доблести [10, с. 4–5]. В «Илиаде» мы видим частые сцены похищения стад (например, II, XVIII, 525–529), они являлись важной частью военной добычи, мобильным богатством, что было наиболее характерно для скотоводческого общества. В волах мерили стоимость многих вещей (II, XXII, 703–705 и др.). Они были эквивалентом стоимости, что позволяет предполагать связь скота в представлениях людей гомеровского общества с самой сутью богатства. Когда Евмей перечисляет богатства Одиссея, он упоминает двенадцать стад быков, овец, коз и свиней, ещё особые козьи стада, своих и наёмных пастухов (Od., XIV, 100–108). Можно решить, что это и были основные богатства героя, или же Евмей был знаком лишь с этой частью царского имущества.

Согласно Гомеру, среди пастухов была своя иерархия. В «Одиссее» мы видим свинопаса Евмея, что держит свиней в закутах при своём доме (Od., XIV, 13–20), даже ночует с копьём и собакой близ тех свиней, что спят вне дома (Od., XIV, 525–533). Он представлен лучшим из рабов героя, хотя свинопасы были низшими из пастухов. Меланфий же, пастух одного из особых стад коз, оскорбляет Евмея (Od., XVII, 212–226), он стоит выше в иерархии пастухов, но оказывается плохим слугой для героя. Здесь мы видим идею перевёрнутой иерархии.

Особое место в поэмах занимает ремесленное производство. Гомеровский мир был полон продуктами ремесла, включал в себя ремесленные умения и, в какой-то степени, сакрализовал их. В эпосе мы находим свидетельства о существовании металлургии, деревообработки, строительства, ювелирного умения, кораблестроения и ряда других ремёсел. Так, в «Илиаде» дано подробное описание доспехов и оружия Агамемнона (II, XI, 15–45). Гомер упоминает сложность работы оружейников. Так, щит Сарпедона окован медью, покрыт воловьими шкурами с золотым переплётом (II, XII, 294–297). В работе над щитами участвовали мастера по дереву и металлу, кожевники.

Героический мир гомеровских поэм представляет нам продукты чудесного ремесла в царских дворцах, например дворец Алкиноя имеет медные стены, золотые двери и серебряные притолоки, охраняют его золотая и серебряная собаки работы Гефеста (Od., VII, 86–94). Зал дворца Менелая в Спарте отделан золотом,

медью, серебром, янтарём и слоновой костью (Od., IV, 72–75), данный дворец сочетает в себе мифологические черты с вполне реальными образцами. Перевязь Геракла, виденного Одиссеем в царстве мёртвых, является продуктом высочайшего ремесла, на ней изображены львы, медведи и вепри (мотивы терзаний или охоты), сражения воинов (Od., XI, 609–614). Наибольшее внимание среди таких шедевров эпос уделяет щиту Ахилла, созданному Гефестом. Это практически целый мир с городом в центре, окружённый океаном, лежащий под небесными светилами (II, XVIII, 500–600).

Парис привлекал к строительству своего дома известных зодчих из числа местных жителей, они строили дом со сложной планировкой – со спальней, двором, мегароном. Помогал в строительстве и Гектор, брат героя (II, VI, 314–317). В другом фрагменте мы видим, что строитель обтёсывает порог в доме по шнуру, делает искусный замок для двери в комнату Пенелопы (Od., XXI, 43–45).

В «Одиссее» упоминаются многочисленные детали корабля – съёмная мачта, парус, ремни (Od., II, 423–426), подобную картину мы видим и при постройке плота Одиссеем – он рубит медным топором деревья, скоблит и обтёсывает доски, буравит брусья, сшивает их болтами, связывает, ставит мачту и парус, кормило (Od., V, 235–260). У царя Нестора в Пилосе золотых дел мастер использует в работе наковальню, молот, клещи, золотит рога быку, используя выданный царём материал (Od., III, 432–437). В доме Одиссея мы видим стул из слоновой кости с серебряной оправой, скамейкой для ног, покрытый овчиной (Od., XIX, 55–58). На Итаке герой построил свой дом вокруг огромной маслины, ствол которой использовал как основание для брачной кровати, при этом он рубил топором, тесал, буравил, украшал кровать серебром, золотом и слоновой костью (Od., XXIII, 190–200). Демиургические черты, как мы уже упоминали, помогают Одиссею выжить в его путешествии по дикому миру (Od., IX, 319–328; V, 235–260).

В «Одиссее» же мы встречаем и весьма важный фрагмент, показывающий, каким образом осуществлялось функционирование ремесленников в архаическом обществе – они бродили по полисам и общинам и приглашались для конкретной работы заказчиками (Od., XVII, 383–386). Женихи в доме Одиссея принимают обращённого в нищего героя за бродячего мастера по лукам, когда тот осматривает своё оружие. Они полагают, что он хочет осмотреть

царский лук и сделать свой по его подобию (Od., XXI, 396–400).

Одной из характерных черт эпического нарратива является представление каждой вещи (в данном случае ремесленного продукта) идеальной, практически священной. Причины такой сакрализации многие исследователи видят в самом характере демиургического процесса в эпосе и эллинской культуре в целом. Он являлся словно продолжением становления самого космоса, каждый раз мастер повторял этот глобальный процесс [7, с. 71–74]. Помня об этом, можно увидеть в знаменитой сцене описания созданного Гефестом щита (II, XVIII, 478–608) свидетельство подобного явления. Произведение мастера сочетает в себе утилитарную вещь и образ целого мира с городом в центре.

Говоря о физическом труде, нельзя обойти вниманием и сферу домашнего быта, где обязанности были весьма чётко разделены между мужчиной и женщиной. При этом женщина, несомненно, была намного прочнее привязана к дому и круг её обязанностей был значительнее.

Уже у Гомера мы видим характерную для всей эллинской культуры связь женщины с ткачеством. Елена в Трое также ткёт великий покров в своих покоях, там изображены сражения троянцев и данаев за неё саму (II, III, 125–128). Уже в Спарте она выходит в пиршественный зал, чтобы беседовать с гостями и прясть свою пряжу, её работа наполнена эстетикой, как и положено дочери Зевса, прялка у неё золотая, корзина для пряжи из серебра, сама пряжа пурпурного цвета (Od., IV, 125–136). Связь Пенелопы с Афиной упоминает Антиной, говоря, что богиня наделила её искусством рукоделия и хитростью, кознями (Od., II, 100–123). Эти два искусства здесь очевидно связаны.

Богиня Калипсо также занята ткачеством в своём гроте, у неё золотой челнок и узорная ткань (Od., V, 61–62). Навсикая обрисовывает обстановку дворца родителей – царица неизменно прядёт у очага пурпурную нить со служанками, Алкиной же занят общественными делами (Od., VI, 305–309). Наяды ткали пурпурные одежды на каменных станках в гроте (Od., XIII, 104–108), Афина сама соткала себе покров (II, V, 734–736). Во дворце Алкиной жили пятьдесят невольниц, которые мололи рожь и ткали, их ткани были самыми лучшими, ибо феакиянок сама Афина научила рукоделию (Od., VII, 103–111). Здесь мотив особенности феаков, их близости к богам, развивается через особое качество их умений. Характерно, что ткачество у женщин сравнивается с мореходством у мужчин, как лучшие из занятий.

Другие обязанности женщин в домашнем хозяйстве проглядывают у Гомера весьма смутно. Эпос моделирует домашний быт женщины почти всегда в одной формуле – она неизменно ткёт в своих покоях или у очага, иные аспекты почти не затрагиваются. Однако кое-что можно отметить. Так, феакийская царица Навсикая стирает с рабынями одежды своих родственников, Афина говорит ей, что чистота одежд определяет репутацию женщины (Od., VI, 25–30). Сама Навсикая говорит отцу, что лишь она обеспечивает чистоту одежд в семье (там же, 65). У Одиссея рабыни работали на мельнице, мололи ячмень круглый день (Od., XX, 105–108), кроме того, они мыли полы, скамейки, кубки в доме (Od., XX, 149–161). Пенелопа до времени сама ведала служанками, потом же должна была уступить право контроля Телемаху (Od., XXII, 420–427). Елена с рабынями во дворце готовила завтрак (Od., XV, 92–94), в кладовой она ведала сундуками с платьями (Od., XV, 99–109). Наиболее прямо положение женщины обрисовывает Телемах, советуя матери следить за хозяйством, пряжей и тканьем, надзирать за рабынями, ибо это и является женским уделом (Od., I, 352–354).

Что касается мужских обязанностей в домашнем хозяйстве, то здесь мы сталкиваемся с ещё большими трудностями в отношении сведений эпоса. Гомер рисует мужчину в основном в общественных занятиях – пирах, войне, собраниях, почти не затрагивая его бытовой жизни. Мы можем выделить лишь редкие фрагменты его быта. Так, в доме Одиссея мужчины-рабы кололи дрова (Od., XX, 149–161), царь Менелай с сыном ведали в кладовой своего дворца металлической утварью, тогда как жена ведала одеждой (Od., XV, 99–109). Одиссей в образе нищего говорит, что умеет разводить огонь, наливать вино и резать мясо (Od., XV, 321–324). Таким образом он хочет сказать, что готов выполнять работу слуг. Глашатай зовёт женихов готовить обед, и они сами принимают участие в приготовлениях, жарят мясо (Od., XVII, 173–182).

Мы видим, что домашняя сфера принадлежала в основном женщине и роль мужчины была не так велика. Здесь разделение труда по половому признаку явно выражено. В эпической традиции моделируется быт разных сословий (и басилеев, и крестьян), что, разумеется, имеет свои особенности, однако на их базе вполне вырисовывается некий общий комплекс работ. Следует отметить лишь, что в крестьянских хозяйствах круг обязанностей женщины был максимальным, в хозяйствах же басилеев и аристо-

кратов непосредственный физический труд был гораздо меньше, большее внимание уделялось сфере контроля.

Таким образом, можно утверждать, что эпический мир был наполнен физическим трудом, и прежние оценки, как, например, в работе Ю.В. Андреева [3, с. 11–13] нуждаются в определённой коррекции. Главным образом, нельзя согласиться с автором в том, как он видит оценку труда гомеровскими героями. На наш взгляд, интерпретация труда как наказания и тяжкого бремени для гомеровского эпоса не характерна. Для пространства, выстроенного по мифологическим канонам, труд являлся одной из основ человеческого общества, критерием подлинной человечности, той характеристикой, что отделяла обжитые людьми земли от неосвоенной природы.

Мы видим, что земледелие считалось основным занятием человека, не позорящим представителей любого социального слоя. Это нашло своё отражение и в символическом наполнении земледелия – оно считалось необходимым атрибутом любого подлинно человеческого общества. На основе материала эпоса можно отметить определённую динамику положения скотоводства в социуме. В проглядывающей древней традиции пастушеское занятие считалось достойным и аристократов, а скот являлся основной частью богатств знати. Однако ко времени сложения поэм роль скотоводства значительно снизилась, оно оказалось в тени земледелия. К ремеслу эпический мир относился противоречиво. С одной стороны, ремесло как основное занятие было уделом подчинённых слоёв, и свободный человек мог позволить себе это преимущественно в домашних нуждах. Но, с другой стороны, мир эпоса всегда восхищался продуктами ремесла, и герои не мыслили себя без искусно сработанных вещей. В домашнем быту труд имел весьма чёткую половую дифференциацию, что было связано с представлениями

эллинов о мужской и женской природе [11, с. 64–69]. Мужчина выполнял в доме небольшой круг обязанностей (в низших социальных слоях больше), в основном контролируя хозяйство, женщина же занималась основными видами работ.

Несомненно, специфика эпического нарратива выделяет военно-героический образ жизни, оставляя в тени всё остальное разнообразие деятельности иных слоёв. Однако при всём этом у Гомера мы можем обнаружить достаточно свидетельств, чтобы построить картину бытования многих видов труда в эпическом мире. Можно проследить и специфические особенности различных видов трудовой деятельности, их значимость для членов общества, символическую нагрузку, с ними связанную.

Список литературы

1. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии (несколько штрихов к портрету греческой цивилизации). СПб.: Алетейя, 1999. 686 с.
2. Лосев А.Ф. Гомер. М.: Государственное учебно-педагогическое издание Министерства просвещения РСФСР, 1960. 312 с.
3. Андреев Ю.В. Труд в жизни гомеровских героев // Государство, политика и идеология в античном мире. Л.: Лениздат, 1990. С. 4–13.
4. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.
5. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник / Пер. с фр. С. Карлюка. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
6. Segal С.Р. The Phaeacians and the Symbolism of Odysseus Return // Arion. 1962. P. 99–113.
7. Тульпе И.А. Был ли древний грек художником, или Жизнь мифа в Античности // Метафизические исследования. Выпуск 5. СПб., 1998. 365 с.
8. Finley M.I. The World of Odysseus. London: Penguin, 1979. 234 p.
9. Richter W. De Landwirtschaft im Homerischen Zeitalter. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. 324 p.
10. Курбагов А.А. Военное значение аристокра-

HOMER'S POEMS AS A SOURCE ON PRODUCTIVE LABOUR AND HELLENES' ATTITUDE TO IT

M. Yu. Shcherbenko

This paper considers Homeric Greeks' views on labour activity and their understanding of its different kinds and its importance. In the epic tradition, agriculture and cattle breeding were regarded as main occupations for a man. The attitude to handicrafts was ambivalent because this was considered to be an occupation of the lowest classes of the society, however, at the same time, the epic world always admired the products of handicrafts. In domestic life, there was a clear gender differentiation of labour in accordance with the Greeks' understanding of male and female nature.

Keywords: Homer, Homer's epic, labour, the mythology of Ancient Greece, agriculture, cattle breeding, handicraft, domestic labour.

тии в архаической Греции // *Античный мир и археология*. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 55–69.

11. Кривошта Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII–V вв. до н.э. // *Женщина в античном мире*. М.: АСТ, 1995. 233 с.